

Тема чуда в технократическом дискурсе и в альтернативной науке¹

Елена Всеволодовна Золотухина-Аболина

Д. ф. н., профессор, Южный федеральный университет, elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению двух дискурсов о чуде: технократического и характерного для альтернативной науки. Автор подчеркивает неистребимость темы чуда, которое выступает своеобразной культурной универсалией, свойственной любым эпохам. Под чудом понимается благое событие, нарушающее известные законы природы и порядок обыденной жизни, оно вызывает удивление и восторг и оценивается как непостижимое для ума. Традиционная версия чуда, говорится в статье, предполагает наличие трансцендентного, Бога (в христианстве), который и является источником чуда. Однако в научно-технической цивилизации, где возобладал материализм, свидетельство о чуде оценивается как сказка или ложь, тема чуда вытесняется за пределы научного рассмотрения, которое выступает эталонным. При этом, впрочем, говорить о чуде не перестают, но разговор перемещается в околонучную область публицистического технократизма или в сферу маргинальной науки, концепции которой официально не признаны. По мнению автора, технократический подход трактует чудо как исключительно рукотворное, основанное на научном знании и стремится «стать на место Бога», создавая сверхчеловека. Альтернативная наука в лице голографического подхода, напротив, видит чудо как прорыв в эмпирическую реальность глубинной сверхразумной основы мира, связанной со свойством нелокальности. То есть, чудо «естественно», хотя и принадлежит иному пласту бытия, оно исходит не от фигуры Бога, а от «имплицативного порядка». В конце статьи автор утверждает, что чудо в любые времена остается чудом, если оно не становится повторяющимся моментом повседневности.

Ключевые слова: Дискурс, чудо, чудеса, Бог, наука, технократизм, имплицативный порядок, голографический подход.

The theme of the miracle in technocratic discourse and in alternative science

Elena V. Zolotukhina-Abolina

Ph.D., Full Professor, Southern Federal University, elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the consideration of two discourses about the miracle: technocratic and characteristic of alternative science. The author emphasizes the indestructibility of the miracle theme, which acts as a kind of cultural universal characteristic of any epoch. A miracle is understood as a good event that violates the known laws of nature and the order of everyday life, it causes surprise and delight and is evaluated as incomprehensible to the mind. The traditional version of the miracle, the article says, assumes the presence of a transcendent God (in Christianity), who is the source of the miracle. However, in a scientific and technical civilization where materialism has prevailed, the testimony of a miracle is evaluated as a fairy tale or a lie, the theme of a miracle is pushed beyond the limits of scientific consideration, which acts as a reference. At the same time, however, they do not stop talking about a miracle, but the conversation moves to the near-scientific field of the public

¹ «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Религиозные и секулярные дискурсы о чуде» № 23-28-00254, <https://rscf.ru/project/23-28-00254/>

Keywords: *Discourse, miracle, miracles, God, science, technocracy, implicative order, holonomic approach.*

© Е.В. Золотухина-Аболина (Ростов-на-Дону). elena_zolotuhina@mail.ru.
Южный федеральный университет. Южный Полюс 9 (1) (2023) DOI: 10.18522/2415-8682-2023-9-49-56

Постановка проблемы.

Задача этой статьи - взглянуть на толкования феномена *чуда*, как оно видится и как о нем говорится в дисциплинах, претендующих на причастность к науке и технике. Напрашивается вопрос: стоит ли задаваться вопросом о чуде, когда в современном мире идут войны, бушуют экономические кризисы, происходят мировоззренческие перевороты? До чуда ли? Думается, тема чуда важна и сейчас, потому что, как писал наш великий поэт Ф. Тютчев «Чему бы жизнь нас ни учила, но сердце верит в чудеса...» И в монотонности повседневности, и в тяжелых испытаниях человек нередко надеется на чудо и молит о нем, даже если не верит в реальность духовного мира. Тогда он просит о чуде судьбу и случай, упорно уповая на лучшее. Так происходит потому, что интуитивно под словом «чудо» имеется в виду *необычайное счастливое событие, нарушающее известные законы природы и противоречащее повседневному опыту. Чудо уникально, экстраординарно, оно изумляет и потрясает, и оно несет благо.*

Несколько слов об истории вопроса.

Когда-то, в далекие эпохи, которые нынче видятся как «традиционное, донаучное общество», чудо и чудеса были важнейшей составной жизни и мира, потому что сам мир виделся как пронизанный коммуникацией с нечеловеческими духами иного порядка, причем с духами сильными и загадочными. И чудеса были разные – и добрые, и злые (опасные). Мифологическое и религиозное сознание находило для чудес место в мироустройстве, хотя и не растворяло их в обыденности, люди удивлялись и радовались благим чудесам и опасались «злых чудес», при этом само «чудо» (не имеющее множественного числа) означало прежде всего необычайное *благое* событие. Выражения «чудесный», «чудотворный», «чудо, как хорош!» свидетельствуют о радости и восторге.

Для религиозной мысли, в частности, христианской, чудо – *это результат вмешательства Бога в мир*. Если не Бога, то ангелов и архангелов, то есть, *высших* духовных инстанций, трансцендентных, надэмпирических. Конечно, кое-что умеют и темные силы, дьявол, бесы, но они лишь производят мелкие колдовские пакости, а не чудо в высоком смысле слова. Подлинное чудо – спасение на краю гибели, воскресение из мертвых, Богоявление, дар пророчества, неуязвимость - является *сакральным и сверхразумным*, оно не постижимо даже для самого могучего ума. Представление о чуде всегда связано с ощущением *тайны*, непостижимости и величия, с полаганием того, что есть *над людьми, фундаментальнее людей, что способно разом изменить все и отменить привычное*. Описывая нуминозный опыт, Р. Отто отмечает: «...сам этот предмет, религиозно-таинственное, подлинное *mirum* (чудо – прим. авт.), есть, чтобы выразить его вернее всего, *«совершенно иное»*... – чужое и чуждое, выпадающее из сферы привычного, понятного, знакомого, противостоящее этой сфере как «сокрытое» вообще и *поэтому* наполняющее душу остолбенелым изумлением» [1, с. 44]. И даже если оставить область возвышенных христианских переживаний и обратиться к народным поверьям и легендам, то и там мы ощутишь встречу с чудом как с тайной и силой, когда неведомое властно входит в обычную жизнь.

Однако технико-технологическое развитие и рост научного знания все более вытесняли представление о чуде в область предрассудков и суеверий. Современным и прогрессивным стало отрицать чудеса. В XX веке безраздельно возобладал в качестве образца научно-технический дискурс, который *не признает чудес и не говорит о них*.

Официальная наука вытесняет представление о чуде в область либо сказок, либо мошеннических фокусов, в крайнем случае чудеса допускаются как тема развлекательного контента – фэнтези, фантастических боевиков, компьютерных игр. Этот «уход чуда» отмечал в своих работах уже К.-Г. Юнг. Он сетует: «Сегодня, к примеру, мы говорим о «материи», мы описываем ее физические свойства. Мы проводим лабораторные эксперименты, чтобы продемонстрировать некоторые из этих свойств. Но слово «материя» остается сухим, внечеловеческим, чисто интеллектуальным понятием без какого-либо психического содержания. Насколько отличается прежний образ материи – Великой Матери, - который мог вместить в себя и выразить глубокий эмоциональный смысл Матери-Земли» [2, с. 86]. Видя материю Великой Матерью, интеллект - Отцом всего, Юнг усматривает в них чудо и полагает, что без этого усмотрения чуда человек становится менее человечным, потому что теряет связь не только с природой, но и с глубинами собственной души. Для человека важно быть связанным с тайной, с теми слоями реальности, из которых являются чудеса. Однако, не ликвидируя тайн, современная культура весьма потеснила их.

Научный и «околонаучный» взгляд.

Совершенно очевидно, что наука, *построенная по типу физики* и направленная на исследование законов эмпирического мира, а также технология, обращающая знание в практические инновации, не может принять *сакрального непостижимого* чуда, которое вызывает потрясение своей парадоксальностью и таинственностью. В основе науки лежит рациональность и прагматическая проверка, причем проверка эта относится в первую очередь к внешнему опыту, который может быть единообразно повторен и формализован. Стоит отметить, что дисциплины, которые имеют дело с внутренним миром людей, например, *психология*, как правило, более терпимы к сюжету чудес. Но в собственно гуманитарном знании акцент разговора о чуде проставляется на *переживании чуда*, а не на чуде как внешне-эмпирическом факте. В рамках психологии или экзистенциальной философии допустимо говорить о «чуде любви» или «чуде понимания», то есть усматривать чудесное именно в душевной жизни. А вот естественная и техническая наука, связанная в том числе с информационными процессами, это *ярко выраженный материализм*, это обращенность к событиям вещественной разделяемой реальности, которой свойственны повторяющиеся серийные отношения. Если мы не получаем гарантированного многократного подтверждения феномена в материальном мире, то вправе ставить его реальность под сомнение, опровергать, обвинять сторонников критикуемого взгляда во лжи и подтасовке. Для естественнонаучного *материализма* есть доказанные факты, но *нет чудес*: в рамках этой парадигмы человек умирает навсегда, тело подчинено законам природы, сознание – результат эволюции, а чужой внутренний мир от нас закрыт. Доказательства не принимаются, другие точки зрения оцениваются как несостоятельные. И именно научно-материалистический взгляд стал наиболее влиятельным в сегодняшней технико-технологической цивилизации.

И все-таки феномен *чуда* – это *культурная универсалия*, он присутствует у всех народов в любую эпоху, до конца не исчезает. Поэтому к загадке чуда в любые времена тянутся пытливые умы. В наши дни познавательное стремление осмыслить природу чуда, будучи выдворено за ворота науки, переместилось в близкие к официальной науке, но все же спорные области знания и мышления. Такими выступают, во-первых, *философская публицистика, обсуждающая сюжет доминирования технико-технологического развития, и альтернативная наука*. У истоков того и другого стоят крупные ученые, но технократическая публицистика и альтернативная наука по-разному связаны с наукой официальной. «Альтернативщики» с их трактовкой чудесного в большинстве случаев отторгаются научным истеблишментом как маргиналы, ведущие теоретический флирт с идеализмом. К сожалению, последовательный материализм часто выступает оковами творческой мысли. Верно говорит о нем Р.-А. Уилсон: «Материалист-фундаменталист – это

современный идолопоклонник; он создал образ мира, и ему поклоняется» [3, с. 41]. Технократы же (не только публицисты, но и фантасты), напротив, не вступают с официозом в явную конфронтацию. Они позиционируют себя как активные продолжатели, энтузиасты путей официальной науки, при этом доводя до крайности идею *всесилия человека в эмпирическом мире*. Это сторонники *искусственного чуда, основанного на знаниях*, так сказать, «большие роялисты, чем сам король».

Бросим же короткий взгляд на *две отмеченные версии* чуда, бытующие в современном «околонаучном разговоре»: на *технократический, проект, который готовит для человека трансгуманистическое будущее* и на *холистическую концепцию, уводящая к древнему мистицизму, но вооруженную аргументами и терминологией науки*. Их разработчики позволяют себе полет фантазии и вольные прогнозы, за что подвергаются критике и получают множество возражений. Но ведь и сама наука – это не застывшие формулы учебников, а живой поиск, борьба версий и гипотез, и даже противостояние парадигм. Вспомним пассаж, который находится почти в самом конце знаменитой книги Т. Куна «Структура научных революций»: «Ученые выдвигают фантастические идеи и пускаются в выборочную охоту за новыми фактами, соответствующими их фантазиям. Это можно было бы назвать процессом, в котором «наука создает свой собственный мир» (если помнить, что слово «создает» здесь имеет особый, побуждающий к размышлению смысл)» [4, с. 384].

Кратко характеризуя толкование чуда в двух отмеченных нами подходах, отметим, что само слово «чудо» не обязательно в них употребляется, но речь идет именно о *фактах* и *практических тенденциях*, которые, несомненно, *чудесны, фантастичны, невероятны и потрясают воображение*, ибо идут вразрез со всем нашим сегодняшним опытом жизни в повседневном мире.

Технократия и трансгуманизм: чудо победы над материей.

Технократизм как образ мысли и действия является неким односторонним продолжением *светского антропоцентризма*, в полной мере наследующий *активизм человека-материалиста*, направленный на подчинение природы и на максимальное использование ее возможностей для собственных нужд. Изобретения человечества, умение людей оборачивать природу против нее самой, инженерная деятельность становятся в технократизме ведущим трендом, лозунгом которого является *«чудеса мы умеем делать сами!»*. Вот как квалифицирует технократизм автор книги «Технократизм – вектор развития глобализации» А.В. Миронов: «Современное проявление технократизма: «по отношению к природе – это экспансия машинной техники в область взаимодействия человека и природы, туда, где до этого ее не было. В социальной сфере технократизм – это технизация социальных структур, это «техника власти». В духовной – рационализация всех форм духовной жизни человека: абсолютизация достижений науки, изменение характера искусства, явление масскультуры и многое другое» [5, с. 27]. Технократизм, постепенно оттесняя человека, выдвигает на первый план развитие техники и технологии, и это стремительное развитие само является чудом из чудес и, как полагают технократы, является источником самых удивительных, восхитительных и потрясающих возможностей, это поистине *фонтан рукотворных чудес*, о которых раньше и помыслить было невозможно. Не вдаваясь на этих страницах в полемику с технократами, обратим внимание на одно из наиболее выразительных его проявлений – *трансгуманизм*. Именно трансгуманизм, стремящийся вторгнуться со всем арсеналом технических возможностей в человеческое тело, обещает наиболее великое чудо, означающее победу над материей – технически достигнутое *бессмертие*. Кроме того, он провозглашает полное усовершенствование человека, его способов восприятия и мышления, его слияние с машиной и информационным полем, невиданные творческие и познавательные возможности.

Представители трансгуманизма, к которым порой причисляют и Илона Маска, находят свою идейную платформу у иранского фантаста и футуролога Ф. М. Эсфендиари, у основателя крионики Роберта Эттингера, у «отца нанотехнологий» К. Э. Дрекслера, у ученого в области искусственного интеллекта Марвина Мински. Для трансгуманистов Бог умер, и, если трансцендентного не существует, то на его место *становится человек*; таким образом, тема *сакральности и непостижимости снимается с повестки дня*. Трансгуманизм существенно отличается от гуманизма тем, что куда смелее замахивается на роль Всевышнего, желая радикально трансформировать человеческую природу, создать на базе техники и информационных технологий *сверхчеловека*. Здесь усилиями человеческого ума производятся чудеса, немислимые в другие эпохи, и в то же время трансгуманисты, по существу, пытаются воплотить мечту средневековых и нововременных магов: сделать человека независимым от материи, пространства и времени, одарить его безграничной свободой. И что же это, как не чудо?

Идея крионики, киборгизации, информационного перемещения человеческой субъективности из одного искусственного тела в другое, тема замыкания разных умов в единую энерго-информационную систему – все это стремление *чудесно преодолеть все ограничения эмпирического мира*. Яркую поддержку идей трансгуманизма с его техническими и научно-практическими чудесами мы находим и у западных [6], и у отечественных авторов [7]. Иные усматривают здесь глубинную связь современного-технического и древнего- магического. Однако большинство авторов видят в такого рода попытке «подменить собой Бога» большие опасности и беды [8, с. 5]. Критик технократизма Марк Дери в конце своей книги «Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков» приводит цитату из фантастического романа, которая говорит сама за себя в вопросе о попытках чудесно поместить человеческий разум в машину: «...вспомним о персонаже романа «Синнеры», который, бродя в бестелесном виде по киберпространству, неожиданно сталкивается лицом к лицу с худшим из своих страхов: *”Я не могу вспомнить, что значит иметь тело...* Ему захотелось закричать от отчаяния, но кричать было нечем.”» [9, с. 429].

Конечно, здесь возникает масса вопросов и проблем. Во-первых, не проявится ли эффект мага-недоучки, когда негативные последствия перевесят позитивные? Во-вторых, останутся ли у чудо-киборгов эмоции и мораль? В-третьих, не образуют ли сверхлюди замкнутую «касту бессмертных» и каков будет смысл их вечной жизни? Но трансгуманизм, проповедуя рукотворное чудо, видит в перспективе сверхчеловеческого по большей части плюсы. Он пробуждает надежды на достижимое чудо для всех. Не станет ли подобное чудо рукотворным же кошмаром?

Холономный взгляд: чудо в глубине реальности.

Вторую трактовку чуда, как мы уже отметили, мы можем найти рамках холономной, голографической парадигмы, сложившейся в 60-х-70-х годах XX века. Она изложена в работах физика Дэвида Бома [10], исследователя мозга Карла Прибрама [11], психолога Станислава Грофа [12]. То есть, у истоков концепции находятся солидные именитые ученые, а не авторы фэнтези. При холономном подходе *чудо не производится людьми*, но оно все же перестает быть совершенно непостижимым и священным, недоступным пониманию. Оно становится *естественной глубинной характеристикой мира*. За пределами обыденного пространства времени, за рамками вещества и механической причинности, царящей в макром мире, на энерго-информационном уровне находится «имплицитивный» (или «имплицитный») порядок, которому присущи квантовые эффекты и свойство нелокальности. Это совершенно меняет картину мира, стирает границу материального и идеального и открывает путь любым чудесам. «В отличие от идеалистов и материалистов, – отмечает С. Гроф, – Бом предполагает, что материю и сознание нельзя объяснить друг через друга или свести друг к другу. И то, и другое – абстракции имплицитного порядка, их общего основания, и представляют поэтому нераздельное

единство...Они являются не отражением реальности и не ее непосредственными описаниями, а интегральной частью холоддвижения» [12, с. 102].

Говоря другими словами, в фундаменте реальности находится превосходящее наше воображение Сверхсознание, из которого постоянно рождаются и человеческое сознание, и вещество, и энергия. Оно обладает континуальной природой, но подобно световому лучу разделяется на бесчисленные множества целостных паттернов, каждый из которых выступает субъектом: люди, животные, растения, клетки, молекулы, атомы. Импликативный порядок – это гигантская голограмма, где каждый фрагмент способен воспроизводить любую другую точку и все целое. Именно поэтому в экспериментах С. Грофа, который он проводил много десятилетий, люди – существа, обладающие сознанием, могли переживать *чудесные превращения*: отождествляться с другими людьми, животными, растениями, клетками и молекулами, попадать в прошлое своих родителей и предков, заглядывать в будущее, встречаться с богами разных религий [13]. «Холонавты» не испытывали психических отклонений и способны были вынести из своих духовных путешествий в «расширенное сознание» подтверждаемую информацию о реальном мире, которой не знали раньше. С ними происходили чудеса ничуть не меньшие, чем испытывает Алиса в знаменитой сказке Л. Кэролла «Алиса в стране чудес». Определенные психологические техники помогали им войти на время в импликативный порядок.

Потому С. Гроф делает вывод, согласующийся с теорией Бома-Прибрама, что мы, люди, с нашей биологией и нашей культурой, - лишь одно из многочисленных проявлений этого порядка, в котором возможно все, что угодно, мы – монады Сверхсознания, и можем вступать с ним в прямой контакт.

Писатель М. Талботт в книге «Голографическая вселенная» особо выделяет главу «Шкатулка, полная чудес», где приводит множество примеров чудесных случаев психокинеза, излечений молитвами, удивительной неуязвимости тела при пытках, полной толерантности к воздействию огня, ситуаций создания общей реальности при гипнозе, материализаций предметов прямо из воздуха. Он считает, что все они могут происходить потому, что в основе материальных вещей присутствует импликативный порядок, где не действуют физические, химические и биологические законы, выведенные нами на базе повседневного эмпирического опыта. В конце главы он пишет: «Как мы уже видели, сегодняшняя наука совершенно неспособна принять во внимание различные феномены, приведенные в данной главе, и поэтому вынуждена игнорировать их. Однако, если такие исследователи как Гроф или Тиллер правы, и сознание способно воздействовать на импликативный порядок, тогда голограмма, называемая вселенной, способна создать любую реальность, любой закон физики, – то есть возможны любые чудеса» [14, с. 188].

Принадлежа этому порядку, мы уже по определению бессмертны, и в этом смысле нам нет нужды изобретать себе «трансгуманистическое бессмертие». Мы и так постоянно проходим через превращения, переходя с одного уровня космического порядка на другой: из духовных сфер в материальные и обратно, из жизни в жизнь, никогда не умирая и лишь трансформируясь. И это не зависит ни от «воли Бога» в его традиционном религиозно-церковном понимании, ни от наших человеческих изобретений. *Чудо вечности Я, вечности души дано нам изначально.* По этому поводу представитель холономного подхода Кен Уилбер замечает: «В определенных пределах, самость может временно бродить по всему спектру сознания – она может регрессировать, или двигаться вниз по холархии бытия и познания; она может двигаться по спирали, повторно сливаться с каким-то уровнем или возвращаться к нему. Более того... она может испытывать временные пиковые переживания любой из этих надличностных сфер, таким образом, кратковременно «перепрыгивая» на эти высшие уровни реальности» [15, с. 54].

А чудеса в рамках привычной эмпирии возможны потому, что время от времени в нашем мире плотной материи возникают некие *фильтры*, через которые *импликативный*

порядок врываясь в обыденную жизнь, тогда-то происходят волшебные исцеления, наблюдается телепатия и телекинез, человеческое тело без травм выдерживает огонь и сталь, становится возможно предвидеть будущее, попадать в чужое сознание, видеть прошлое, встречаться с существами и сущностями с иных планов бытия. Все это «сплошная невозможность» лишь с обыденной точки зрения и с позиций механистической науки, для тех, чья картина мира ограничена эмпирической реальностью. Но для тех, кто понимает подлинно строение бытия, это лишь свидетельство пластичности и многообразия проявлений имплицативного порядка. Это «вполне законные чудеса».

Впрочем, надо отдать должное сторонникам холизма: они не считают, что человеку с его разумом доступны *все чудесные глубины* реальности. Они отдают себе отчет в *ограниченности* человека, *воплощенного в теле*: мы можем осознавать сам *принцип*, но, обладая линейным мышлением, не в силах действительно прочувствовать и оценить те сверхвозможности, которые таятся в Сверхсознании. «Естественное чудо» мировой голограммы, хотя и можно интеллектуально схватить как некий абрис, но невозможно понять, оставаясь в пределах повседневного разума. Поэтому оно остается *сверхразумным и в чем-то непостижимым*. Не секрет, что маргинальные научные поиски, от которых захватывает дух, на новом уровне и в иной терминологии воспроизводят древние идеи мистицизма и построения эзотерических концепций.

Вместо заключения.

Наше небольшое исследование показывает, что, несмотря на успехи научно-технического развития, тема чуда не уходит из культуры, принимая в ней разные формы и толкования. Думается, все способы говорить и думать о чуде, соотноситься с ним, сосуществуют в наши дни: это и *традиционное видение* чуда как исходящего от Бога и по его воле, как сакрального и непостижимого. Это и *трансгуманистический* подход, где все представляется доступным и постижимым, а человек – главным вершителем чудес. Это и *холономное* видение, где чудо пробивается в мир из глубины бытия – не столь сакральное как в религиозной вере, но все же недоступное для обычного ума, требующее выхода в «расширенное сознание».

Вероятно, *чудо оказывается невозможным* и как факт, и как переживание, *только в одном случае* – когда оно становится повторяющимся элементом обыденной жизни. В этом смысле чудо похоже на удовольствие – оно бледнеет от привычки, постоянно повторяющееся чудо – уже не чудо, а ожидаемое и планируемое событие, которое не удивляет и не потрясает. Впрочем, нам скорее всего, не грозит опасность «остаться без чуда».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отто Р. Священное. СПб. 2008. 272 с.
2. Юнг К.-Г. Подход к бессознательному // Юнг К.-Г. Архетип и символ М. 1991. С. 23-94.
3. Уилсон Р.-А. Новая инквизиция. СПб. 2001. 240 с.
4. Кун Т. Структура научных революций М. 2001. 608 с.
5. Миронов А.В. Технократизм – вектор развития глобализации. М. 2009. 132 с.
6. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М. 2017. 127 с.
7. Турчин А. В., Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М. 2013. 263 с.
8. Кутырёв В. А. Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб. 2016. 300 с.
9. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М., Екатеринбург. 2008. 478 с.
10. Бом Д. Квантовая теория. М. 1965. 728 с.

11. Прибрам К. Языки мозга. М. 1975. 464 с.
12. Гроф С. За пределами мозга. М. 1993. 504 с.
13. Гроф С. Космическая игра. М. 1997. 256 с.
14. Талботт М. Голографическая вселенная. М. 2004. 368 с.
15. Уилбер К. Интегральная психология М. 2004. 412 с.

REFERENCES

1. Otto R. Svyashchennoye. [Das Heilige]. Saint-Petersburg. 2008. 272 p. (In Russian)
2. Yung K.-G. Podkhod k bessoznatel'nomu. [Approach to the unconscious] // Yung K.-G. Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol]. Moscow. 1991. P. 23-94. (In Russian)
3. Uilson R.-A. Novaya inkvizitsiya. [The New Inquisition]. Saint-Petersburg. 2001. 240 p. (In Russian)
4. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy. [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow. 2001. 608 p. (In Russian)
5. Mironov A.V. Tekhnokratizm – vektor razvitiya globalizatsii. [Technocratism is a vector of globalization development]. Moscow. 2009. 132 p. (In Russian)
6. Kharauy D. Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskiy feminizm 1980-kh. [A manifesto for cyborgs: Science, technology, and socialist feminism in the 1980s]. Moscow. 2017. 127 p. (In Russian)
7. Turchin A. V., Batin M.A. Futurologiya. XXI vek: bessmertnye ili global'naya katastrofa? [Futurology. XXI century: immortality or global catastrophe?]. Moscow. 2013. 263 p. (In Russian)
8. Kutyrëv V. A. Unesënn'yye progressom: eskhatologiya zhizni v tekhnogenom mire. [Carried away by Progress: The Eschatology of life in the technogenic world]. Saint-Petersburg. 2016. 300 p. (In Russian)
9. Deri M. Skorost' ubeganiya: kiberkul'tura na rubezhe vekov. [Escape velocity: Cyberculture at the End of the Ctnury]. Moscow, Yekaterinburg. 2008. 478 p. (In Russian)
10. Bom D. Kvantovaya teoriya. [Quantum theory]. Moscow. 1965. 728 p. (In Russian)
11. Pribram K. Yazyki mozga. [Languages of the Brain]. Moscow. 1975. 464 p. (In Russian)
12. Grof S. Za predelami mozga mozga. [Beyond the brain]. Moscow. 1993. 504 p. (In Russian)
13. Grof S. Kosmicheskaya igra. [The Cosmic Game]. Moscow. 1997. 256 p. (In Russian)
14. Talbott M. Golograficheskaya vseleennaya. [Holographic universe]. Moscow. 2004. 368 p. (In Russian)
15. Uilber K. Integral'naya psikhologiya. [Integral psychology]. Moscow. 2004. 412 p. (In Russian)